

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 102
(2156)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Фененко «Почему российскому обществу пора отойти от наследия 1960-х годов», опубликованная в «Независимой газете», № 186, 30 августа 2022 г.

Вологда
сентябрь 2022

Почему российскому обществу пора отойти от наследия 1960-х годов

Кризис «брежневского консенсуса»

В конце августа в мировой политике произошло важное событие, оставшееся малозаметным на фоне российской спецоперации в Украине. Участники Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) так и не смогли принять итоговый документ. Предыдущая обзорная конференция в 2015 году также завершилась без принятия итогового документа. Это еще не кризис режима нераспространения, но сбой в его механизме несомненен.

Проблема, однако, глубже разногласий между ядерными державами по Ирану и Украине. ДНЯО расходится с реалиями нашей эпохи, как и большинство международно-правовых режимов той эпохи. Они создавались полвека назад как совокупность правил поведения великих держав. Но в мире, где российское и американское оружие напрямую воюет в Украине и военные обсуждают, можно ли ударить американскими системами по российским городам, таких правил нет по определению. Эксперты по инерции говорят на конференциях о том, как важно «не допустить краха разоруженческого и нераспространенческого мышления». Но подобные слова уже звучат так же старомодно, как в конце XIX века звучали призывы хранить «священный союз монархов»: красиво, вроде бы правильно, но устарело, ибо геополитика важнее.

В 1960-х СССР и США совместно сформировали правила долгосрочного взаимодействия или так называемой холодной войны. В их основе лежали четыре аксиомы, утвердившиеся в тот период в официальной риторике обеих сверхдержав, а за ней и в международной дипломатии. Первая: представление, что в ядерной войне не может быть победителя, а значит, ее никто не рискнет начать. Вторая: любой прямой конфликт между ядерными державами неизбежно перерастет в ядерный. Третья: если большая война малореалистична, то приоритет должен отдаваться дипломатии и информации. Четвертая: ключевую роль должны играть международные организации как некий гарант сохранения правил. Еще важнее было разрастание слоя международной бюрократии и экспертного сообщества, заинтересованных в самоподдержании подобных идей и созданных на их основе международно-правовых режимов.

Брежневский СССР хорошо вписался в эту международную систему. Возник своего рода «брежневский консенсус» — представления как элиты, так и общества, что мы живем в мирное время и действуем в логике мирного времени, а новой большой войны «не может быть потому, что не может быть никогда». Партийные либералы и консерваторы, чиновники и диссиденты, сталинисты и ленинцы спорили о чем угодно, но только не о борьбе великих держав или новой большой войне. Идея войны казалась в лучшем случае пропагандой власти: «опять хотят закрутить гайки» или «опять военные требуют денег». Нередко было ироничное отношение: от «неплохо бы их там пугнуть» до «опять борцы за мир поехали в Америку за джинсами». Идея, что новая большая война может быть реальностью, казалась вытесненной из информационного поля. Разговор о ее возможности и вовсе был для позднесоветского общества чем-то невероятным: мол, есть теперь ядерное оружие, и все погибнут.

На Западе советского министра иностранных дел Андрея Громыко называли «мистером нет». Ирония судьбы заключалась в том, что на самом деле Громыко был во всем «мистером да». (Чтобы это понять, достаточно сравнить его с настоящими «мистерами нет» 1920-х вроде Троцкого или Раковского.) Именно от Брежнева и Громыко горбачевская дипломатия унаследовала идеи «конвергенции» и «общеевропейского дома» — сближения и даже слияния советского коммунизма с западноевропейской социал-демократией. Именно поздний СССР присоединился ко всем многосторонним соглашениям вроде ДНЯО или Договора о космосе, ограничивающим и его собственные ресурсы. Именно поздний СССР подписал с США серию компромиссных договоров ОСВ/СНВ, также не во всем выгодных ему, но зато провозглашавших курс на всеобщее разоружение. Идея ограничивать себя в угоду неким «общечеловеческим интернам» сама собой вытекала из политики разрядки.

Советская дипломатия все более теряла свой наступательный порыв не только 1920-х, но и 1950-х. Главным ресурсом советской дипломатии стали не международное коммунисти-

ческое движение и даже не военная сила, а международные режимы. «Сила воли» все сильнее подменялась идеей повязывания США набором общих правил и режимов, даже ценой ограничения собственных ресурсов. Дипломат переставал быть пассионарием, превращаясь скорее в чиновника, для которого важны и карьерный рост, и доступ к западным благам, и мнение других стран. «Не грозить, а убеждать», «договориться любой ценой» – все это пришло отнюдь не из «предательских 1990-х», а из брежневских 1960-х годов. Напомню, что после Карибского кризиса американцы сделали вывод: СССР в критический момент отступит. Это, кстати, и позволило администрации Линдона Джонсона так легко начать войну во Вьетнаме.

Последствия были необычными. У позднесоветской элиты сформировалось беспрецедентное в истории России чувство внешней безопасности, без которого, кстати, были бы невозможны ни перестройка, ни роспуск СССР. Но и у народа, пережившего тяжелейшие потери Второй мировой войны, слова «Лишь бы не было войны!» стали девизом жизни как минимум двух поколений. При этом мало кто задумывался над тем, что у этой фразы может быть неприятное продолжение: «Если война – самое ужасное, то для ее предотвращения можно и капитулировать, особенно если капитуляция будет оформлена в почетной форме».

Отсюда и вытекали и победившие в брежневском СССР представления о незыблемости итогов Второй мировой войны. Мир, сконструированный по ее итогам, казался большинству советских людей миром на веки веков. В 1970-х пред-

ставления о том, что в мир могут вернуться межгосударственные войны, агрессивный национализм, культ войны и колониализм, казались многим советским людям издевательством над здравым смыслом. Возможно, поэтому рост национализма в Восточной Европе вызывает у людей советского поколения шок. Аналогичный шок, помню, вызывали и американские военные акции 1990-х: «Да как же так, неужели не выучили уроки войны?» Мысль о том, что Вторая мировая была не последней, а наш мир так же преходящ, как все до него, казалась запредельной. Поколение «наивных либералов» 1980-х пришло не из пустоты, а выросло в том числе на этой внеисторичной идеологии.

Этот «брежневский консенсус» по-прежнему влияет на нашу внешнюю политику. Оценить его в категориях «хорошо» или «плохо» невозможно. Он был, наверное, неизбежен для общества, ощущающего себя в состоянии «долгого мира». Однако сегодня объективные условия для его существования заканчиваются. Украинский конфликт доказал нам, как легко могут ядерные державы вести боевые действия на территории третьей страны. Ограничения в выборе целей и средств для их поражения при этом постоянно сужаются. Жаловаться на эти процессы в международных организациях, взывая к обязательствам и совести оппонента, — занятие, приносящее мало дивидендов. Вопрос в том, как быстро российское общество осознает окончание затянувшихся 1960-х.

Алексей Фененко